

A movie poster for the film 'The Good Doctor' featuring Oliver Sheen. The scene is set in a hospital room at night, with a large window overlooking a brightly lit city skyline. A female doctor in a white lab coat is seated on the left, leaning forward and holding the hands of a male patient seated on the right. The patient has a visible injury on his chest, and a glowing, golden light emanates from the point where their hands meet, suggesting a healing process. Medical equipment, including a monitor and IV stands, are visible in the background. The overall mood is intimate and hopeful.

ОЛИ ЭШ

ИСЦЕЛИ МОЮ ДУШУ

Олли Эш

Исцели мою душу

«Автор»

2026

Эш О.

Исцели мою душу / О. Эш — «Автор», 2026

Восемьдесят процентов её пациентов умирают. Роботы-хирурги — главная надежда медицины, а живые целители считаются устаревшим пережитком. Заведующий дал Кире месяц: либо она улучшит статистику, либо её отделение закроют. Она уже смирилась с поражением, пока в приёмный покой не привезли его — военного целителя Айзека Кросса. Кира должна была отправить его в паллиатив. Но при первом же прикосновении их магия отозвалась друг другу — горячим, пульсирующим резонансом, о котором ходят только легенды. Она нарушает все протоколы, чтобы вытащить его с того света. Айзек слышал её голос в темноте. Помнит каждое слово. И когда он открывает глаза, их магия уже неразрывно связана. Теперь у них есть шанс не только спасти друг друга, но и изменить всю систему — доказать, что живое тепло сильнее любых машин. Двое целителей против бюрократии, роботов и собственных страхов. Смогут ли они выиграть эту битву, если на кону — не только работа, но и их сердца?

© Эш О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Отделение смертников	5
Глава 2. Осознанное прикосновение	9
Глава 3. Кто ты?	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Олли Эш

Исцели мою душу

Глава 1. Отделение смертников

Сигнал вызова прозвучал за три минуты до конца смены.

Кира как раз дописывала отчёт по пациенту из четвёртой палаты — мужчина пятьдесят два года, обширный инфаркт, роботы-хирурги восстановили сердечную мышцу, но сознание так и не вернулось. Ещё один. Она закрыла файл и потёрла воспалённые глаза. За двенадцать часов через её руки прошли семеро. Двое стабильны. Один переведён в общую палату. Четверо — в морг.

Восемьдесят процентов. Цифра, которую Орлов повторял при каждой встрече, как заклинание.

Коридор встретил её гулом и движением. Роботы-санитары везли каталку с телом, накрытым серой простынёй. Люминесцентные панели мерцали — третья неделя, как подали заявку на замену, и третья неделя, как её отклоняли. Приоритетные расходы, говорил Орлов. Роботы-хирурги не требуют ремонта, только профилактику. А люди — это всегда риск.

Кира свернула в сестринскую, где над пультом мониторинга склонилась Мина — старшая медсестра, сухая, как осенний лист, но такая же нестигаемая.

— Ты ещё здесь? — спросила Мина, не оборачиваясь. — Твоя смена закончилась час назад.

— Дописывала отчёт по Соколову.

— Дописала?

— Отчет дописала. А Соколов умер.

Мина кивнула и сделала пометку в журнале. Смерть здесь была не событием, а статистикой. Кира помнила времена, когда она начала работать здесь. Тогда каждая смерть отзывалась болью. Теперь — только усталостью.

— Орлов заходил, — сообщила Мина. — Спрашивал, сколько у тебя активных.

— И что ты сказала?

— Правду. Трое. Двое на грани.

— Он опять говорил про закрытие?

— Он всегда говорит про закрытие. — Мина наконец обернулась. Под глазами у неё темнели круги — такие же, как у самой Киры. — Но сегодня он был... довольный. Чересчур. Это плохой знак.

Кира хотела ответить, но сигнал вызова прозвучал снова — настойчивее, резче. Красный индикатор над дверью приёмного покоя запульсировал, отбрасывая кровавые блики на стены.

— Безнадёжный, — произнесла Мина. — С красным кодом только таких возят.

— Я знаю.

— Кира, твоя смена...

— В курсе.

Она оттолкнулась от косяка и пошла на свет.

В приёмном покое роботы-санитары уже перегружали тело с носилок скорой на стационарную каталку — четыре механические руки двигались синхронно, безупречно, без единого лишнего движения. Фельдшер, молодой парень с бегающими глазами, мялся у двери с планшетом в руках.

— Кого привезли? — спросила Кира.

— Военный целитель, — фельдшер заглянул в планшет. — Айзек Кросс, тридцать четыре года, десять лет стажа. Авария на транспортном узле. Сильные ожоги, повреждение нервной системы...

— Целитель? — перебила она.

— Так написано в документах. Роботы уже провели операцию — физические повреждения устранены, кожный покров восстановлен. Но сознание не возвращается. Кома неясной этиологии.

Кира подошла к каталке. Откинула простыню.

Он был высок — даже сейчас, безвольный и неподвижный, чувствовалась стать. Черты лица — резковатые, но правильные. Тёмные волосы, коротко стриженные по-военному. Следы ожогов исчезли — роботы поработали на совесть, — но кожа сохраняла неестественную бледность, словно из неё выкачали всю кровь. На тыльной стороне левой ладони виднелась татуировка — знак целительского корпуса: змея, обвивающая жезл, но жезл расколот надвое.

— Почему расколот? — спросила Кира.

Фельдшер замялся.

— Это... ну, целители, которые работают с боевыми травмами. У них другой символ. Расколотый жезл означает, что они не просто лечат, они... вытаскивают с того света. Вроде как.

Кира снова посмотрела на лицо мужчины. Айзек Кросс. Военный целитель. Десять лет вытаскивал с того света других — и вот теперь сам на грани.

Она положила ладонь на его грудь.

Это был стандартный диагностический жест — первый контакт, поверхностный, просто чтобы оценить состояние. Её магия, дремавшая после долгой смены, неохотно потянулась к кончикам пальцев. Кира ожидала почувствовать холод. Пустоту. Соппротивление — как у тех, кто внутренне сдался и больше не хотел возвращаться.

Вместо этого она почувствовала жар.

Он ударил в ладонь, как разряд тока. Её магия — целительская, родовая, древняя, — дёрнулась навстречу чужой, как зверь на зов сородича. На мгновение Кира перестала дышать. Перед глазами вспыхнуло золотом, горячее, живое тепло разливалось внутри. Она ощутила движение магии внутри. Слабое, затухающее, но такое знакомое.

Так бывает у целителей.

— Врач Кира? — голос фельдшера донёсся как сквозь толщу воды. — С вами всё в порядке?

Она отдёрнула руку. Контакт разорвался, но жар остался — он пульсировал в ладони, поднимался по запястью, разливался по венам.

— Да, — сказала она. — Всё в порядке. Заполните документы и оставьте его здесь. Я оформлю перевод в своё отделение.

— В ваше? — фельдшер удивлённо моргнул. — Но у него красный код. По протоколу красный код — это...

— Я знаю, что такое красный код, — отрезала Кира. — И знаю, что по протоколу красный код означает «рекомендовано паллиативное наблюдение». Но вы не в курсе, что протокол не учитывает магический резонанс. А он есть. Так что оформляйте.

Фельдшер кивнул и исчез за дверью. Кира осталась одна — с каталкой, с мужчиной, которого видела впервые в жизни, и с жаром, который всё ещё пульсировал где-то в солнечном сплетении.

Кто ты такой, Айзек Кросс?

Она не успела додумать. Дверь распахнулась, и в приёмный покой вошёл Орлов.

Заведующий отделением реанимации выглядел как всегда: дорогой костюм, идеально отглаженный воротник, прилизанные волосы, аккуратная борода. Он нёс себя с достоинством

человека, который точно знает, сколько стоит каждая минута его времени, и не намерен тратить её на пустяки.

— Кира, — произнёс он. — Я думал, твоя смена закончилась.

— Уже собираюсь уходить.

— А это что? — он кивнул на каталку. — Новый пациент?

— Красный код. Оформляю перевод в моё отделение.

Орлов подошёл ближе, взял планшет с края каталки и пробежал глазами по строчкам. Его губы сжались в тонкую линию.

— Военный целитель. Боевые травмы. Кома неясной этиологии. — Он поднял глаза на Киру. — Ты шутишь?

— Нет.

— Красный код означает, что пациент безнадёжен. Роботы уже сделали всё, что могли. Это труп с функционирующим сердцем. Зачем тебе тратить на него магию?

— У меня с ним есть резонанс, — сказала Кира.

Орлов замер. На его лице мелькнуло странное выражение — не удивление, скорее, досада. Словно она произнесла слово, которое он надеялся никогда не услышать.

— Резонанс? — переспросил он. — Ты уверена?

— Да.

— И что именно ты почувствовала?

Кира замялась. Рассказывать Орлову о том, что она ощутила при первом прикосновении, было всё равно что раздеться перед ним. Жар. Золотую вспышку. Биение чужого сердца как своего. Это были слишком интимные переживания.

— Целительский отклик, — сказала она коротко. — Его магия жива. Она отозвалась на мою.

— И что с того? — Орлов пожал плечами. — Массаж сердца тоже даёт отклик, но это не значит, что пациент выживет. Красный код есть красный код. Ты разве не знаешь, что твоё отделение на грани закрытия? Видела статистику за последний квартал? Восемьдесят процентов, Кира. Восемьдесят. Из каждых десяти пациентов восемь умирают. Остальные два — длительная реабилитация. Это не показатели эффективности, это... — он замялся, подбирая слово, — благотворительность. А бюджет у нас государственный.

— Я знаю статистику, — твердо ответила Кира. — И знаю, что каждый из моих пациентов — это человек, у которого мало шансов. Вы присылаете мне тех, чьи тела машины спасли, но человек перешагнул грань. Естественно, смертность высокая.

— Вот именно. — Орлов улыбнулся — холодно, без тени тепла. — И я предлагаю закрыть это убыточное предприятие и закупить ещё роботов. Они, знаешь ли, не устают. Не ошибаются. И не спорят с начальством.

— Они не лечат, — сказала Кира. — Ремонтируют. Это значит подписать смертный приговор людям, вместо того, чтобы искать выход.

— Эти твои двадцать процентов выживших стоят бюджету миллионов. — Орлов поставил планшет на место. — Кира, я дам тебе месяц. Месяц на то, чтобы показать результат. Если твоя статистика не улучшится, я закрою отделение. А пока — делай что хочешь. Хоть красный код бери в работу, хоть фиолетовый в крапинку. Только не жалуйся потом.

Он развернулся и вышел. Дверь закрылась с мягким шипением пневматики.

Кира осталась стоять у каталки, прижимая ладонь к груди. Там всё ещё пульсировал чужой жар. Через минуту появился фельдшер с оформленными документами. Она подписала перевод и велела отвезти пациента в седьмую палату.

Палата была дальней, тихой, почти изолированной от остального отделения. Кира загнала каталку в угол, подключила мониторы, проверила капельницу. Машины мерно гудели, рисуя на экранах линии пульса, давления, дыхания. Физически Айзек Кросс был в порядке. Кома

неясной этиологии — так пишут, когда тело цело, а сознание ушло. Куда — никто не знает. Может, застряло между жизнью и смертью. Он сам по каким-то одному ему известным причинам не хотел возвращаться.

Кира присела на край койки и положила ладонь на его руку. На этот раз без магии. Просто человеческое прикосновение.

— Кто ты? — прошептала она. — Почему твоя магия отозвалась на мою? Что ты скрываешь, Айзек Кросс?

Он не ответил. Только мониторы пищали в такт биению сердца — ровному, сильному, но такому далёкому.

Она убрала руку, встала и пошла к выходу. У двери обернулась. Свет люминесцентных панелей падал на его лицо, и на мгновение ей показалось, что веки дрогнули.

Нет. Просто усталость.

Кира погасила свет и вышла в коридор.

Завтра будет новый день. И новый сеанс. Почему-то ей было очень важно узнать, что скрывается за этим резонансом.

Даже если для этого придётся нарушить все протоколы.

Глава 2. Осознанное прикосновение

На следующее утро Кира пришла на час раньше смены.

Роботы-уборщики закончили цикл и замерли у зарядных станций, подмигивая зелёными индикаторами. Люминесцентные панели горели в полную силу — дневной режим ещё не включился, и свет был резким и безжалостным. Кира любила это время. В ранние часы отделение принадлежало только ей — ни Орлова, ни проверяющих, ни родственников, заламывающих руки в коридоре.

Она остановилась у сестринского поста. Мина уже была там — бессменный страж, которая, казалось, вообще не спит.

— Ты рано, — заметила та.

— Не спалось.

— Из-за вчерашнего?

Кира не ответила. Взяла с полки планшет, открыла карту Айзека Кросса. Ночные показатели: пульс ровный, давление в норме, мозговая активность минимальная. Стабилен. Ни лучше, ни хуже. С того света не возвращается, но и не уходит дальше.

— Он необычный, — сказала Кира.

— Чем?

— Он целитель. Как я.

Мина подняла бровь и отложила журнал.

— Целитель в коме? Это как?

— Не знаю. Я никогда с таким не сталкивалась. — Кира помолчала. — Когда я коснулась его вчера, моя магия... отозвалась. По-другому. Словно узнала его.

— Это и есть резонанс? О котором ты говорила Орлову?

— Да.

Мина долго смотрела на неё, потом покачала головой:

— Будь осторожна, Кира. Магический резонанс — это не просто диагностика. Ты знаешь, о чём я.

Кира знала. Резонанс между целителями был редким, почти легендарным явлением. В учебниках о нём писали вскользь — две магии, соприкоснувшись, усиливают друг друга. Но старые целители, те, что ещё помнили времена до роботов-хирургов, рассказывали другое. Резонанс — это не просто усиление. Это слияние. Полное раскрытие одного перед другим. Интимное, глубокое, неконтролируемое.

Об этом не говорили на лекциях. И иногда шептались в ординаторских.

— Я буду осторожна, — пообещала Кира.

Дверь седьмой палаты открылась с тихим шипением. Внутри было полутемно — ночные светильники ещё не переключились на дневной режим, и камера тонула в синеватом полумраке. Айзек Кросс лежал на койке у окна. За ночь его не переворачивали — роботы-санитары заглядывали раз в четыре часа, проверяли показатели и уходили. Никаких лишних прикосновений.

Кира подошла ближе и села на стул у изголовья.

При дневном свете — пусть и искусственном — его лицо казалось другим. Она разглядела морщинку между бровей — тонкую, едва заметную, — и короткий шрам над левой скулой. Старый, заживший, не тронутый роботами-хирургами. Может, он сам отказался его убирать. Или просто не считал нужным.

— Доброе утро, Айзек Кросс, — сказала она. — Я твой новый врач. Меня зовут Кира. Вчера мы уже встречались, но ты вряд ли помнишь.

Он не ответил. Мониторы пищали всё так же ровно.

Кира достала из кармана халата диагностический браслет — тонкий серебристый обруч, который целители надевали на запястье пациента перед сеансом. Не магия — технология. Браслет считывал физиологические показатели в реальном времени: пульс, давление, гормональный фон, электрическую активность мозга. Нужен он был для отчётности. Каждый сеанс Киры фиксировался, каждая секунда контакта записывалась. Орлов требовал данные. Орлов требовал доказательств эффективности. Без браслета её работа считалась бы недействительной.

Она застегнула обруч на запястье Айзека. Индикатор мигнул зелёным — синхронизация завершена.

Теперь магия.

Кира закрыла глаза и положила ладонь на грудь пациента. Туда, где у обычных людей бьётся сердце. У целителей сердце не просто бьётся — оно резонирует с магическим ядром, разлитым по всему телу. Можно сказать, у них два сердца. Одно качает кровь, второе — силу. И второе было важнее.

Она начала медленно, осторожно. Диагностическое погружение — первый уровень, поверхностный. Её магия скользнула под кожу, как тёплая вода, ища повреждения. Ожоги затянуты — роботы отработали безупречно. Нервные окончания восстановлены — спасибо регенераторам последнего поколения. Мышцы целы. Кости целы. Физически он был здоров. Но что-то было не так.

Кира погрузилась глубже.

И почувствовала это. На границе сознания и тела, там, где магия переходит в мысль, зияла пустота. Не повреждение. Отсутствие. Словно часть его души выгорела раньше, чем тело попало в аварию. Возможно, он начал умирать задолго до того, как транспортный узел взорвался.

А потом его магия ответила.

Это было не похоже на вчерашнее. Вчера она едва коснулась его и отшатнулась. Сегодня она была готова ждать и наблюдать. Но готовность не помогла. Его сила — слабая, затухающая, почти угасшая, — потянулась к ней сама, как растение к свету. Она узнала эту силу. Целительская магия. Такая же, как у неё, только другого оттенка — жёстче, грубее.

Их магии соприкоснулись.

Кира ахнула.

Это было похоже на электрический разряд — но не болезненный, а горячий, сладкий, разливающийся по венам. Её сила и его сила переплелись, как пальцы двух рук, и на мгновение она перестала понимать, где заканчивается она и начинается он. Сердце забилось чаще. Дыхание сбилось. Она чувствовала его — не физически, а магически, — как чувствуют собственное тело. Его боль. Усталость. Его одиночество, такое глубокое, что у неё защипало в глазах.

И ещё она чувствовала... отклик. Его магия не просто реагировала на диагностику. Она звала. Тянулась. Жаждала контакта.

Жар поднялся от ладони к запястью, разлился по предплечью, добежал до сердца. Кира поняла, что сейчас произойдёт — тот самый резонанс, полный, неконтролируемый, — и отдернула руку.

Контакт разорвался.

Она сидела, тяжело дыша, как после долгого бега. Браслет на запястье Айзека пищал, выводя на экран скачок показателей: пульс участился, давление подскочило, мозговая активность выросла втрое. Всего на несколько секунд, но выросла. Орлов будет доволен — вот они, доказательства эффективности. Только не узнает, какого рода была эта эффективность.

Кира откинулась на спинку стула и закрыла лицо руками.

Что это было?

Она знала ответ. Просто боялась его признать. Резонанс. Настоящий, глубокий, такой, о котором шептались старые целители. Слияние магий. Полное раскрытие. И это произошло

не просто с коллегой, не с равным. Это произошло с пациентом. С мужчиной в коме, который даже не мог дать согласие на контакт.

— Прости, — прошептала она. — Я не должна была...

Но перед кем она извинялась? Перед ним? Перед собой? Перед профессиональной этикой, которая категорически запрещала подобное? Этический кодекс целителей был однозначен: интимная связь с пациентом — пожизненное отстранение. Никаких исключений. Никаких смягчающих обстоятельств.

А то, что только что случилось, было интимнее любой физической близости. Магический резонанс оголял души. Она почувствовала его изнутри — и он, даже в коме, почувствовал её.

От этой мысли стало страшно.

Кира резко встала и отошла к окну. За стеклом расстился мегаполис — многоярусный, сверкающий неонами, затянутый смогом. Транспортные дроны сновали между башнями, как металлические насекомые. Где-то там, в этом лабиринте стекла и бетона, жили люди. Умирали. Выздоровливали. И никто из них не знал, что в маленькой палате седьмого сектора одна целительница только что переступила черту.

Она заставила себя обернуться.

Айзек Кросс лежал всё так же неподвижно. Мониторы успокоились, показатели вернулись к норме. Но что-то изменилось. Ей показалось, или его дыхание стало глубже? И пальцы — они ведь были сжаты в кулаки, когда она вошла, а теперь лежат свободно?

— Ты слышишь меня? — спросила она.

Тишина.

— Если слышишь... — она запнулась. — Если слышишь, я не знаю, что мне делать. Ты — пациент. Я — твой врач. Между нами не может быть ничего, кроме профессиональных отношений. Но твоя магия... она отвечает. И моя отвечает. Я не знаю, почему. Никогда такого не было.

Она замолчала. Что она делает? Разговаривает с коматозником, как с подругой за чашкой кофе? Абсурд.

— Ладно, — сказала она. — Я вернусь вечером. После смены. Мне нужно... подумать.

Она уже взялась за ручку двери, когда что-то заставило её обернуться.

Айзек Кросс лежал в той же позе. Мониторы пищали ровно. Никаких изменений.

Она вышла.

Дверь закрылась с тихим шипением, отрезав седьмую палату от остального мира.

Кира не заметила, как прошла смена.

Пациенты, процедуры, консультации, отчёты. Четверо новых поступивших, двое переведённых в общую палату, один умер — мужчина с сердечной недостаточностью, его привезли слишком поздно, даже её магия не помогла. Обычный день в отделении смертников. Восемьдесят процентов.

Но мысли всё время возвращались к седьмой палате. К мужчине с татуировкой расколотого жезла. К его одиночеству, которое она почувствовала так остро, словно оно было её собственным.

К концу смены Кира приняла решение.

Она дождалась, пока Мина уйдёт на обход, сняла халат и снова пошла в седьмую палату. Не как врач. Как человек.

Он был там. Кира придвинула стул ближе к койке и села, положив руки на колени. Диагностический браслет она брать не стала. Никакой отчётности. Только она и он.

— Я не знаю, слышишь ли ты меня, — сказала она. — Говорят, пациенты в коме могут слышать голоса. Кто-то верит в это, кто-то нет. Я верю. Может, потому что я целитель. Или потому что мне так легче.

Она помолчала.

— Ты был военным целителем. Десять лет. Вытаскивал с того света бойцов, которые горели, тонули, подрывались на минах. Я читала твоё дело перед сменой. У тебя высший допуск. Три награды. Двадцать три благодарности от командования. И ни одного отказа. Ты никогда не говорил «нет». Никогда не уходил с поля боя, пока там оставался хоть один живой. Знаешь, что это значит?

Он молчал.

— Это значит, что ты выгорел, — ответила она за него. — Десять лет без отдыха, личной жизни, возможности сказать «я больше не могу». Ты отдавал всего себя, пока не осталось ничего. А потом случилась авария. Несчастный случай. Просто не повезло. Но твоя магия... она начала угасать задолго до взрыва. Я почувствовала это, когда коснулась тебя. Ты умирал изнутри. Ты хотел умереть.

Она замолчала. Монитор пискнул, выводя новую линию пульса. Чуть быстрее, чем раньше.

— Прости, — прошептала Кира. — Я не должна была так говорить. Но я не знаю, как общаться с незнакомцами. Я вообще ни с кем не общаюсь уже... очень давно. Моё отделение — восемьдесят процентов смертности, и каждый день кто-то уходит. Коллеги называют меня «целительницей обреченных». Друзей у меня нет. Семьи нет. Только работа.

Она посмотрела на его лицо. Неподвижное. Спокойное.

— Мы с тобой похожи, Айзек Кросс. Ты выгорел на службе. Я — тоже. Просто ты уже упал, а я ещё стою на ногах. Но стою на краю. Мой заведующий хочет закрыть отделение. Говорит, что живые целители неэффективны. Роботы надежнее. А статистика — единственное, что имеет значение. И если я не докажу обратное, через месяц здесь будут только машины.

Она сглотнула ком в горле.

— Поэтому ты должен проснуться, слышишь? Ради отделения. Ради себя. Ты военный целитель с высшим допуском. Вытаскивал людей из огня, восстанавливал после взрывов целых десять лет. Ты не можешь закончить вот так — на каталке в седьмой палате. Ты должен проснуться и сказать мне, что я дура, которая лезет не в своё дело. Или что-нибудь ещё. Что угодно. Просто проснись.

В палате было тихо. Мониторы пищали. Капельница мерно капала.

А потом ей показалось — или на самом деле? — что его пальцы чуть сжались.

Кира замерла. Сердце пропустило удар. Она уставилась на его руку, молясь, чтобы движение повторилось.

Но пальцы оставались неподвижны.

— Ладно, — выдохнула она. — Может, показалось. Но если ты всё-таки слышишь — я приду завтра. И послезавтра. Я буду приходить каждый вечер и рассказывать тебе о себе. О пациентах. Погоде. О том, как Орлов снова орал на утренней планёрке. И однажды ты проснёшься и скажешь мне заткнуться. Договорились?

Тишина.

Кира встала со стула. Поправила одеяло — зачем-то, просто чтобы ещё на секунду задержаться. Потом подошла к двери и обернулась.

— Спокойной ночи, Айзек Кросс.

Она вышла в коридор и только там позволила себе выдохнуть.

Вечером, уже дома, в своей крошечной квартире на сто сороковом этаже, она сидела у окна и смотрела на город. Неоновые вывески отражались в стекле, окрашивая комнату то синим, то розовым. Где-то далеко взлетали дроны доставки, мигая габаритными огнями. Ещё дальше, в секторе развлечений, гремела музыка.

Кира закрыла глаза. Жар от первого прикосновения всё ещё помнился — он пульсировал где-то в глубине груди, как второе сердцебиение. Она знала: если она продолжит сеансы,

резонанс будет усиливаться. Их магия будет сплетаться всё глубже. И однажды он проснётся, и они окажутся связаны не только профессиональным долгом.

Это пугало.

И в то же время, впервые за долгое время, ей было интересно.

Глава 3. Кто ты?

Архивный зал располагался на минус третьем этаже — дальше только морг и технические помещения. Кира спустилась туда после утреннего обхода, когда убедилась, что Айзек Кросс провёл ночь стабильно: пульс ровный, мозговая активность на прежнем минимуме, никаких изменений. Никаких движений пальцев. Возможно, вчера ей просто померещилось.

Она предъявила пропуск роботу-архивариусу — громоздкой машине с оптическим сенсором, которая занимала полстены, — и запросила полное досье на военного целителя Айзека Кросса.

— Уровень доступа? — проскрипел робот.

— Врач-реаниматолог, допуск «В».

— Для полного военного досье требуется допуск «А». Будет предоставлена гражданская часть.

Кира кивнула. Гражданской части должно хватить. Военные тайны ей не нужны — только то, что поможет понять, кем он был до аварии.

Робот выплюнул пластиковую карту с данными и погасил оптический сенсор. Кира вставила карту в планшет и села за ближайший стол.

На экране развернулось досье.

Айзек Кросс, родился в семье военных. Мать — Елена Кросс, медсестра полевого госпиталя. Отец — Виктор Кросс, полевой командир, погиб при исполнении, когда сыну было двенадцать. Воспитывался матерью, которая работала на две ставки и редко бывала дома. В шестнадцать лет поступил в Военно-медицинскую академию. Выпустился с отличием в двадцать. Десять лет на передовой. За десять лет — ни одного отпуска. Ни одного больничного.

Кира пролистала боевые характеристики. Высший допуск. Три награды, включая «Золотой жезл» — высшую целительскую награду за спасение в боевых условиях. Двадцать три благодарности от командования.

За десять лет через его руки прошли больше тысячи пациентов. Выживаемость — девяносто два процента. Для полевых условий это было почти чудом.

Она открыла медицинскую часть. Физическое состояние перед аварией: без патологий. Хронических заболеваний нет. Магическое ядро — стабильное, уровень силы «А». Последний медосмотр — за месяц до аварии, отклонений не выявлено.

А потом она нашла личный файл. Короткий, на полстраницы. Заметка психолога, датированная за две недели до взрыва на транспортном узле.

«Пациент демонстрирует классические признаки профессионального выгорания третьей стадии. Эмоциональная отстранённость, механическое выполнение обязанностей. На вопрос о семье отвечает: „У меня нет семьи“. На вопрос о друзьях: „Мои друзья — те, кого я спасаю. Они возвращаются к своей жизни, а я остаюсь“. На вопрос о планах на будущее: „У меня нет будущего. У меня есть работа“. Рекомендовано отстранение от службы сроком на шесть месяцев с прохождением реабилитационного курса».

Кира перечитала последние строки несколько раз. «Мои друзья — те, кого я спасаю. Они возвращаются к своей жизни, а я остаюсь». Это многое объясняло. Десять лет он вытаскивал людей с того света, смотрел им в глаза, держал за руку — а потом они уходили. Выздоровливали и возвращались на фронт. Или не выздоравливали и уходили навсегда. Никто не оставался.

Одиночество. Не физическое — душевное. Одиночество человека, который не позволяет себе привязаться, потому что любая привязанность заканчивается болью.

Кира закрыла файл и откинулась на спинку стула. Архивный зал давил тишиной. Она думала о его матери — Елене Кросс, которая после гибели мужа работала на двух ставках и, скорее всего, тоже не имела времени на сына. О мальчике, который в шестнадцать лет выбрал

ту же стезю, что и отец, — спасать других. О мужчине, который за десять лет ни разу не взял отпуск.

Выгорание третьей стадии. Это серьёзно. На этой стадии человек уже не просто устаёт — он перестаёт быть собой. Механически выполняет работу, не чувствуя ни радости, ни горя. Превращается в машину.

Она убрала планшет и уже собиралась уходить, когда заметила ещё один файл — прикреплённый в самом низу, без названия. Открыла.

Заметка из военного архива, датированная тремя годами ранее. Гриф «Для внутреннего пользования».

«Целитель Кросс подал рапорт о переводе в гражданский сектор. Причина: эмоциональное истощение. Рапорт отклонён командованием в связи с нехваткой специалистов его профиля. Рекомендовано продолжить службу».

Он пытался уйти. Три года назад, он уже знал, что умирает изнутри. Но ему не дали возможность восстановиться.

Кира резко выдохнула и захлопнула планшет.

— Вот почему ты сдался, — прошептала она. — Ты просил о помощи, а тебе сказали «нет».

Дверь архива открылась. На пороге стояла Мина — с неизменным журналом в руках и выражением лица, не предвещавшим ничего хорошего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.